

ДОНЪ И ДОНЦЫ

въ прежнее и нынѣшнее время.

1851 и 1877 гг.

Первая часть путевыхъ записокъ Ад. П. Ч—ва о Донѣ и Донцахъ ведена въ 1851 году и была напечатана въ «Сынѣ Отечества» 1852 года. Слуста 26 гѣтъ, въ 1877 году, Ад. П. Ч. совершилъ вторую поѣздку чрезъ Донскую землю и редакция «Русской Старины» получила въ свое распоряженіе все, что авторъ отмѣтилъ въ своихъ дорожныхъ запискахъ о донскихъ казакахъ въ двукратный проѣздъ свой по ихъ жилищамъ. Обѣ части этихъ записокъ составляютъ обстоятельную статью о славномъ въ нашей военной исторіи Донскомъ казачьемъ войскѣ, которое, въ теченіе послѣднихъ предъ симъ гѣтъ, получило по своимъ служебнымъ обязанностямъ и домашнему быту многія улучшенія, въ уровень со всѣми реформами, дарованными вынѣшнимъ царствованіемъ. По всему этому, редакция «Русской Старины» рѣшилась помѣстить на страницахъ своего изданія обѣ части записокъ Ад. П. Ч., составляющихъ, въ совокупности, полную картину прошедшаго и настоящаго быта донскихъ казаковъ, о которыхъ у насъ все еще довольно мало печатныхъ свѣдѣній. Вторая часть является—впервые, а первая—значительно исправлена авторомъ.

Ред.

1851 г.

I.

Восторженные мечты мои объ исторической славѣ донцовъ.—Умиленное зрѣнище на берегу Дона, въ Казанской станицѣ.—Почтенный хозяинъ—ветеранъ.—Его любопытные рассказы.—Станичный сборъ.

14-го іюня, приближаясь къ Казанской станицѣ—къ первому на моемъ пути селенію донскихъ казаковъ, я собиралъ въ памяти всѣ перечитанныя мною историческія повѣствованія и всѣ рассказы отца моего объ этихъ трехвѣковыхъ сподвижникахъ русской рати¹⁾. Истори-

¹⁾ Отецъ мой былъ однимъ изъ воиновъ славнаго для Россіи 1812-го года и видѣлъ донцовъ въ плу съѣзъ съ французами.

Ад. Ч.

ческія повѣствованія говорятъ, что родоначальниками нынѣшнихъ донцовъ были люди русскіе, стекшіеся въ концѣ XV вѣка, съ разныхъ мѣстъ, на берега Дона, искать добычъ и мстить татарамъ за ихъ набѣги на наши украины; — что на службу русскаго царя въ первый разъ явились донцы при покореніи Астрахани и, вскорѣ за тѣмъ, одинъ изъ удалцовъ ихъ, Ермакъ, повергнувъ къ стопамъ Грознаго царство Сибирское; — что въ тѣ времена донцы вели непрерывную обоюдную войну съ сосѣдными народами (татарами, калмыками, черкесами, крымцами, азовцами); — что они, на «утлыхъ» челнахъ своихъ, переплывали даже чрезъ Черное море и громили берега Анатолии, а съ эпохи царствованія дома Романовыхъ постоянно являются въ ряды русскихъ войскъ и съ Полтавской битвы мужественно участвуютъ во всѣхъ, веденныхъ Россією, войнахъ». — Слышанные же мною, въ дѣтствѣ, рассказы отца о боевыхъ подвигахъ донцовъ въ первой четверти нынѣшняго столѣтія переносили меня въ какой-то сказочный міръ и создали убѣжденіе, что для донца не существуетъ препятствій ни въ числѣ непріятеля, ни въ преградахъ природы и самыхъ стихій.

Съ нетерпѣніемъ подѣзжалъ я къ первой казачьей станицѣ, Казанской. Какъ будто нарочито, чтобы живѣе возобновить въ памяти моей всѣ повѣствованія о донцахъ, на самомъ берегу ихъ знаменитой рѣки стояло нѣсколько сотъ казаковъ, въ вооруженіи и съ лошадыми. Это былъ дивизионъ атаманскаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка, шедшій въ Петербургъ на очередную смѣну своихъ товарищей. Набожные воины, переправясь черезъ Донъ, черпали священную для нихъ воду, мочили ею свои головы, утирали лицо, глаза и, потомъ, поклонясь своей родной рѣкѣ и благоговѣнно помолясь послѣдному храму своей земли, стройными рядами оставили Казанскую станицу, напутствуемые благословеніями ея обитателей.

Въ умиленномъ раздумьи отъ всего видѣннаго стоялъ я на улицѣ Казанской станицы. Едва ступилъ я на донскую землю и она уже заставила любить себя, умиляться ея патриархальностью. Да сохраняются эти чистые нравы въ православномъ отечествѣ нашемъ!...

Казанская станица, имѣющая болѣе 8-ми тыс. жителей об. пола, находится на лѣвомъ берегу Дона, въ 280 верстахъ отъ главнаго и единственнаго въ Донскомъ войскѣ города, Новочеркасска. Отсюда, внизъ по теченію Дона, на его обоихъ берегахъ, тянутся станицы и хутора казачьи до самаго впаденія рѣки въ Азовское море; на этомъ-то пространствѣ заключается большая часть народонаселенія донской территоріи, а воды и берега исторической рѣки дарятъ каза-

камъ осетровъ, стерлядей, золотые колосья хлѣба, сочныя гроздіи винограда, арбузы, дыни и все, чѣмъ роскошествуетъ благословенный югъ Россіи.

Мнѣ захотѣлось тотчасъ-же сродниться съ Дономъ: я утолилъ жажду свѣтлою водою его, спросилъ стерлядь, и, за 50 коп., мнѣ наварили янтарной ухи и нажарили рыбы столько, что можно бы было накормить нѣсколько человѣкъ. Пригласивъ за столъ маститаго хозяина своего, я нашелъ въ немъ сподвижника героя Италіи и участника въ священной брани нашей съ несмѣтными полчищами Наполеона. Обрадовавшись такому знакомству, я старался разбудить память своего собесѣдника объ его прошломъ и, съ помощію доброй чары, успѣлъ въ томъ.

— «Началась служба моя еще при славномъ князѣ Александрѣ Васильевичѣ Суворовѣ,—такъ говорилъ мой собесѣдникъ.—Пошелъ я въ Польшу и попалъ въ вѣстовые къ Андріану Карповичу Денисову, а съ нимъ отправились мы въ Италію — воевать за австрійцевъ съ французомъ. Съ Италіи, по горамъ да по поднебесью, воротились мы на Донъ; но прошло не больше трехъ годковъ, какъ опять велѣно идти оборонять австрійцевъ отъ Бонапарта. Тутъ меня одна пуля больно задѣла: пролежалъ чуть не съ годъ въ лазаретѣ; думалъ <ничего, приду, Богъ дастъ, на Донъ—отдохну, вылечусь родною водою>, — а въ не тутъ-то было: надобно было пруссаковъ защищать отъ того же вражьяго наводненія, отъ французовъ. Угомонили и тутъ Бонапарта, а все еще не пришлось провѣдать Тихаго Дона Ивановича: велѣно идти подъ турку. Поколотили и турку, да тутъ уже пришлось и мнѣ горько: одинъ бритый махOMETъ, падая подъ мою пикой, выстрѣлилъ въ меня изъ пистолета; убить не убилъ, а заставилъ опять слечь на лазаретную кровать. Лежу вотъ это на ней и слышу, что Бонапартъ больно осерчалъ на русскихъ—зачѣмъ-де они не давали ему забрать подъ его волю и австрійцевъ, и пруссаковъ; теперь-де всѣ ужъ народы покорились ему—и австрійцы и пруссаки; теперь-де одни только русскіе противятся ему и не хотятъ признать его волю. Сказалъ-де онъ такъ, да забралъ весь свѣтъ, да и повелъ его на нашу матушку-Россію.... Какъ услышалъ это я, такъ замерло у меня сердце; вскочилъ съ лазаретной кровати, да въ ноги доктору: <выпишите меня, ваше высококордіе, я здоровъ!> Спасибо—добрый человѣкъ былъ, докторъ-то, выпустилъ. И потянулся я въ путь, къ полку своему. Слышу: Бонапартъ ужъ къ Москвѣ идетъ, а за собою всю землю нашу, православную, пустыремъ оставляетъ; упивается кровью христіанскою; сожигаетъ города и села; оскверняетъ церкви Божіи и святяи иконы... А тамъ

добрый народъ съ плачемъ рассказываетъ ужасную вѣсть, что и Москва бѣлокаменная въ рукахъ вражбихъ... Добрался я до своего полка уже въ Тарутинѣ, да Богъ далъ прискакать прямо на радость: въ ту же ночь Орловъ-Денисовъ повелъ насъ на супостата. Сломилъ-таки его свѣтлѣйшій князь нашъ, Михайла Ларивоновичъ, да и погналъ... Вѣжить французъ безъ оглядки, вездѣ колотятъ его наши... Сподобилъ и меня Господь быть участникомъ въ изгнаніи враговъ изъ матушки-Россіи... Да еще какъ радостно мнѣ было: со мною былъ и старикъ-отецъ мой, со мною былъ и сынишко мой; всѣ прискакали съ Дона въ Тарутино... Да такъ-то, всѣмъ вмѣстѣ, пришлось и намъ побывать въ гостяхъ у французовъ, въ самомъ ихъ Парижѣ... Воротился я на Донъ уже черезъ одиннадцать лѣтъ. Просидѣлъ дома, да провалялся отъ ранъ лѣтъ съ пять, а тамъ досталась очередь побывать и на кавказской линіи; довелось пострѣлять и черкесовъ съ нашимъ храбрымъ атаманомъ, Власовымъ. Подошла было и отставка, да какъ услышалъ, что наши идутъ въ Персію, не выдержалъ: побывалъ и въ Персіи, да разомъ ужъ побывалъ и въ Турціи—за-одно ужъ было! И вотъ, съ тѣхъ поръ, 21-й годъ сижу дома, отдыхаю подъ родительскою кровлею... Оно, конечно, старенецъ ужъ сталъ я, ваше благородіе; далеко ужъ за 70; да и подарки не-приятельскіе даютъ себя чувствовать; а все-таки думаю: коли бы какой шальной врагъ вздумалъ опять пойти на нашу матушку-Русь православную, пригожусь и теперь на что нибудь. Вѣдь придется скоро умирать на печи, такъ куда же лучше сложить старую голову свою за отечество, да заслужить у Господа прощеніе грѣхамъ своимъ!>...

Разсказъ заслуженнаго ветерана казался мнѣ волшебною сказкою Шехеразанды: чѣмъ же иначе назвать эти гигантскіе шаги по высямъ и пропастямъ Альповъ, эти изумительные набѣды летучихъ казачьихъ отрядовъ въ центрѣ и въ тылу Наполеоновскихъ армій, изъ которыхъ, какъ вихремъ, выхватывались знамена, пушки, цѣлыя парки артиллерійскіе! Въ устахъ простаго воина, очевидца и участника всѣхъ этихъ чудесъ, повѣствованіе о нихъ еще занимательнѣе, и въ глазахъ моихъ ярко раздвѣчивалась великолѣпная картина воинскихъ подвиговъ русскаго оружія.

Почтенный хозяинъ мой познакомилъ меня и со многими обычаями своей родины. Изъ его разсказовъ оказывается, что и въ настоящее время нравы донцовъ мало измѣнились въ сравненіи съ старинными нравами и что нынѣшніе казаки такъ же любятъ свой Донъ, какъ любили предки ихъ, назвавшіе его «Тихимъ Дономъ», «Дономъ Ивановичемъ» и «Кормильцемъ». Названіе—Тихій дано Дону древ-

ними казаками потому, что на берегахъ его они отдыхали отъ бранныхъ тревогъ и только здѣсь находили тишину и покой отъ опасностей и трудовъ молодецкихъ подвиговъ своихъ; Ивановичемъ наименовали его отъ истока Дона изъ Ивановскаго озера, а кормильцемъ—изъ благодарности, что при водахъ его находили себѣ всякія средства къ безпужной жизни. Любовь къ родинѣ у донцовъ—чувство священное и къ сохраненію этого чувства весьма способствуетъ образъ самой службы ихъ, потому что они разлучаются съ семействами не надолго, выходя съ своими полками въ походъ только на три года; по возвращеніи же со службы въ дома свои, пребываетъ въ нихъ, до новой очереди служебной, по три и по четыре года. Такимъ образомъ, донцы не перестаютъ возобновлять въ сердцахъ своихъ привязанность къ домашнему быту и къ завѣтамъ предковъ.

Отъ него же, старичка-хозяина, узналъ я одну высокую черту изъ обычаевъ донцовъ — черту, достойную того, чтобы она на вѣки сохранилась среди этихъ славныхъ воиновъ: выходя изъ домовъ своихъ въ походъ, казаки прощаются со всѣми сосѣдями въ станицѣ, просятъ ихъ о покровительствѣ остающимся семьямъ своимъ, и потомъ, слѣдуя правилу отцовъ, отправляются въ станичную церковь, куда за ними несутъ жены и дѣти всѣ бранные доспѣхи ихъ и ведутъ на церковную площадь готовыхъ къ походу коней. У святаго храма встрѣчаетъ ихъ священникъ, въ полномъ облаченіи; совершаетъ напутное молебствіе и окропляетъ святою водою воина, доспѣхи и даже коня его. Изъ церкви всѣ казаки, въ предшествіи священника, идутъ на станичное кладбище. Здѣсь творится общая панихида по усопшимъ и, каждый казакъ, припавши къ родной могилѣ, испрашиваетъ благословеніе своихъ родителей; беретъ горсть земли, покрывающей прахъ ихъ, цѣлуетъ эту священную персть родины, съ благоговѣніемъ надѣваетъ себѣ на шею, и родная земля, на груди воина, сопутствуетъ ему во всѣхъ его походахъ и битвахъ со врагами, а умереть казакъ на чужбинѣ — родная земля прикроетъ прахъ его... Можетъ быть, этотъ прекрасный обычай донцовъ есть подражаніе набожному обыкновенію среднихъ вѣковъ, когда возвращавшіеся изъ Палестины рыцари заботились привезти съ собою горсть святой земли для своей могилы!... Вообще, всѣ рассказы моего хозяина дышали любовью къ родинѣ и были чрезвычайно занимательны.

Узнавши, что на завтра назначенъ «сборъ» станичныхъ жителей, я заинтересовался увидѣть этотъ примѣръ народнаго самоуправления, ибо дарованнымъ донцамъ въ 1835 году закономъ сохранены и навсегда увѣковѣчены всѣ древніе обычаи казаковъ, и каждому станичному обществу предоставлено право рѣшать внутреннія дѣла

своей станицы и избирать себѣ, на три года, станичныхъ правителей, называемыхъ «станичными атаманами» и «станичными судьями». Пришедши, въ 9-мъ часу утра, къ станичной избѣ, я увидѣлъ тамъ болѣе ста человекъ уже заслуженныхъ казаковъ. Рѣчь шла о безобидномъ раздѣлѣ всѣмъ и каждому изъ жителей станицы общественныхъ сѣнокосныхъ «наевъ». Атаманъ и судьи предварительно составили имянные посемейные списки и прочитывали ихъ обществу ясно и подробно. «Станичный сборъ» единогласно утвердилъ эти списки и, раздѣливъ «пай» на сотни и десятки, рѣшилъ «жеребомъ»: кому и въ какихъ именно мѣстахъ производить покось. Станичное общество заключило рѣшеніе свое обычнымъ возгласомъ: «съ Богомъ! въ добрый часъ!» и всѣ расходились со «сбора» довольные.

На этомъ «сборѣ» я замѣтилъ, что во время его исчезаютъ между членами станичнаго общества чины, что на нихъ рядовой казакъ и всякаго ранга офицеръ имѣютъ равный голосъ; однимъ словомъ, что на «сборахъ станичныхъ» какъ будто воскресаетъ существовавшее на Дону въ древнія времена общее равенство всего казачьяго общества.

II.

Путь отъ Казанской станицы чрезъ станицы Вешенскую, Мигулинскую, Еланскую, Устьхоперскую и Устьмедвѣдичскую.—Женскій монастырь и могила атамана Власова въ ст. Устьмедвѣдичской.—Дальнѣйшій путь чрезъ станицы Распопинскую, Клецкую и Иловлинскую въ г. Царицынъ.—Сарепта.—Дубовскій посадъ.—Ковножелѣзная дорога отъ Дубовскаго посада до ст. Качалинской.

Изъ Казанской станицы къ мѣсту предстоящаго мнѣ служенія (Кавказъ, укрѣпленіе Куринское) прямой путь, почтовый, чрезъ донскую казачью станицу Каменскую и потомъ чрезъ городъ Новочеркасскъ; но, желая повидаться съ выданною замужъ въ г. Царицынъ сестрою,—съ которою разстался еще въ дѣтствѣ, когда меня увезли въ петербургскій кадетскій корпусъ,—я рѣшился сдѣлать лишннихъ триста верстъ изъ любви къ сестрѣ и изъ желанія увидѣть побольше жилищъ донскихъ казаковъ, такъ какъ путь отъ Казанской станицы на Царицынъ и изъ Царицына на Новочеркасскъ идетъ по берегамъ Дона, чрезъ десятки лучшихъ казачьихъ станицъ.

Въ Казанской станицѣ я нанялъ тройку лошадей до станицы Вешенской. Зимой, всѣ переѣзды здѣсь очень дешевы, такъ какъ лошади у казаковъ стоятъ безъ дѣла, при домахъ; а теперь и найти ихъ трудно по случаю рабочей поры и потому, что весною на Дону совершаются всѣ ежегодные выходы на смѣну полковъ, прослужившихъ трехгодичное время.

Отъ станицы Казанской до станицы Вешенской 40 верстъ; туда ведутъ двѣ дороги, по правому и по лѣвому берегу р. Дона; меня повезли чрезъ нѣсколько казачьихъ хуторовъ и скоро я увидѣлъ станицу Мигулинскую, считающую въ своемъ «юртѣ» (такъ называется у казаковъ территорія станичнаго довольствія) до 11-ти тысячъ жителей. Мигулинъ есть одно изъ самыхъ древнихъ казачьихъ поселеній на Дону, и здѣсь нѣкогда существовала обитель, въ которую являлись донскіе воины съ теплыми молитвами къ Богу о дарованіи имъ побѣдъ надъ врагами. Теперь на землѣ донскихъ казаковъ существуютъ три монастыря: мужской, въ семи верстахъ отъ станицы Кременской, и женскіе—одинъ близъ станицы Устьмедвѣдицкой, а другой—въ станицѣ Старочеркасской.

Изъ станицы Мигулинской, переѣхавъ на лѣвый берегъ Дона, я проскакалъ чрезъ три казачьихъ хутора и пріѣхалъ въ станицу Вешенскую въ 4 часа по полудни. Знакомый моему извозчику казакъ взялся доставить меня до станицы Устьхоперской, но я принужденъ былъ просидѣть болѣе двухъ часовъ пока приведены лошади съ поля. Въ это время я обошелъ всю станицу, но не нашелъ въ ней ничего замѣчательнаго, всѣ жители были на покосѣ, станица совершенно пуста и дома заперты; а станица большая: въ ней и въ принадлежащихъ ей хуторахъ до 16-ти тысячъ жителей. Проѣхавъ также чрезъ пустыя улицы слѣдующей затѣмъ казачьей станицы, Еланской, я, въ 10-мъ часу вечера, прибылъ въ станицу Устьхоперскую. По невозможности достать лошадей, мнѣ пришлось здѣсь ночевать. Въ 8-мъ часу утра я былъ уже въ станицѣ Устьмедвѣдицкой, заключающей въ себѣ окружныя присутственныя мѣста и квартиру окружнаго генерала 3-го военного округа войска донскаго. По смыслу «войсковаго положенія» 1835 года, эта станица есть уѣздный городъ. Она имѣетъ болѣе 9-ти тысячъ жителей, расположена на возвышенномъ мѣстѣ праваго берега Дона и носитъ названіе Устьмедвѣдицкой потому, что недалеко отъ нея впадаетъ въ Донъ, на лѣвой его сторонѣ, р. Медвѣдица, также какъ близъ Устьхоперской станицы течетъ въ Донъ р. Хоперь.

Мигулинская, Вешенская, Устьхоперская и Устьмедвѣдицкая станицы существовали уже въ XVII столѣтіи и упоминаются въ путевой запискѣ боярина Шеина, плывшаго мимо ихъ, въ 1695 году, съ войсками, къ Азову.

Устьмедвѣдицкая станица въ настоящее время не имѣетъ никакихъ памятниковъ древности, но въ оградѣ станичнаго храма ея показывали мнѣ могилу донскаго атамана, генерала-отъ-кавалеріи Власова, который, при 80-ти-лѣтней старости, еще бодро подвизался на поприщѣ своего званія, и въ 1848 году, когда весь Донъ испытывалъ

тяжелую годину отъ холеры и неурожаевъ, являлся, какъ попечительный отецъ дѣтей, даже въ отдаленныхъ отъ г. Новочеркасска станицахъ и принесъ самъ себя на жертву этой любви къ подчиненнымъ своимъ: холера въ нѣсколько часовъ прекратила здѣсь жизнь доблестнаго мужа и онъ погребенъ за 400 верстъ отъ главнаго города донской земли. Колонна чернаго гранита, увѣнчанная крестомъ Господнимъ, указываетъ мѣсто покоя этого вождя Дона; но добрыя дѣла сами себѣ творять несокрушимые памятники: мнѣ говорили, что надъ могилкою усопшаго атамана нерѣдко слышится панихидное пѣніе отъ благодарныхъ подчиненныхъ его.

Послѣдними предсмертными словами набожнаго старца-атамана была молитва: «Заутра услыши гласъ мой, Царю и Боже мой!» На эти слова предсмертной молитвы благочестиваго вождя, кто-то изъ казаковъ написалъ слѣдующіе надгробные стихи:

За утра услышать гласъ твой Господь,
Понеже молился Ему съ упованьемъ,
Понеже стремился къ нему и мечтаньемъ,
И чувствами сердца, и сердца желаньемъ!...

Воздасть тебѣ Богъ, на небѣ, сторицей,
За добрую душу твою;
За то, что дѣлалъ ты съ убогимъ, съ вдовацей,
Послѣднюю ленту свою;

За то, что страдальцамъ ты былъ утѣшенье,
Ихъ вѣрный помощникъ, защитникъ, отецъ;
И, слѣдуя твердо стезею спасенья,
Стяжалъ ты нетлѣнный, небесный вѣнецъ!..

Въ двухъ или трехъ верстахъ отъ Устьмедвѣдипкой станицы женскій монастырь Преображенія Господня. Я отправился въ святую обитель и съ благоговѣніемъ помолился въ ней. Какая тишина, какой мирный, истинно отшельническій бытъ! Только въ большіе праздники встрѣчаются здѣсь лица, не входящія въ семью монастырскую, потому, что обитель въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ; но благолѣпіе храмовъ показываетъ, что она не забывается добрыми христианами; содержаніе же обители достаточно обезпечено ассигнованною на то суммою изъ войсковыхъ капиталовъ и отведеннымъ монастырю участкомъ изъ войсковыхъ земель, съ озерами, обильными рыбою. Переночевавъ въ станицѣ Устьмедвѣдипкой и нанявъ лошадей до станицы Клецкой, отстоящей отсюда въ 35-ти верстахъ, я, правою стороною Дона, проѣхалъ чрезъ станицу Распопинскую, имѣющую въ своемъ «юртѣ» болѣе шести тысячъ жителей. Въ Клецкой станицѣ съ трудомъ нашелъ пару лошадей, которыя къ вечеру доставили меня

на станцію почтоваго тракта, идущаго изъ Новохоперска въ Царицынъ. 50-ти верстный путь отъ Клецкой станицы до почтоваго тракта идетъ сначала почти надъ берегомъ Дона, а потомъ по нѣсколькимъ казачьимъ хуторамъ, и хотя онъ знакомилъ меня съ самымъ обыденнымъ бытомъ казаковъ, но я не могъ не пожалѣть, узнавъ, послѣ уже, что въ нѣсколькихъ только верстахъ отъ моей дороги были станицы: Перекопская, Кременская, Новогригорьевская, Старогригорьевская и уединенный мужской монастырь, замѣчательный тѣмъ, что въ немъ вся братія состоитъ изъ восьми или девяти человѣкъ и ведетъ жизнь вполне подвижническую.

Въ 9 часовъ вечера я уѣхалъ съ почтовой Колодявной станціи и встрѣтилъ восходъ солнца за 60 верстъ отъ нея, уже на границѣ Саратовской губерніи, проскакавъ ночью чрезъ станицу Иловлинскую и чрезъ тѣ мѣста, по которымъ, въ послѣдней половинѣ XVI вѣка, устремлялись на Волгу разгульныя толпы донской вольницы, и потомъ, подъ начальствомъ Ермака, вѣнчались славою въ Искерѣ,—или, подъ командою атамана Андрея, переплывали Каспій, укрѣплялись въ ущеліяхъ Кавказа и на берегахъ Терека, создавая начало гребенскихъ и терскихъ казаковъ,—или, съ атаманомъ Нечаемъ, селились на Яикѣ и дѣлались родоначальниками яикскихъ—нынѣ уральскихъ казаковъ.

Пробывъ у сестры, въ Царицынѣ, нѣсколько дней, я имѣлъ время осмотрѣть тамошнія окрестности: былъ и въ Сарептѣ—этой цвѣтущей нѣмецкой колоніи, замѣчательной по своимъ прекраснымъ учрежденіямъ и по своему братству; былъ въ Дубовскомъ посадѣ и изумлялся торговой дѣятельности его, ибо сюда-то Волга несетъ на струяхъ своихъ массу богатствъ хребта Уральскаго, лѣсъ и произведенія губерній, прилегающихъ къ водамъ этой дивной рѣки нашей, а отсюда все это развозится далеко—по донскому краю, въ Ростовъ, Таганрогъ и по всему побережью Азовскаго и Чернаго морей. Однакожъ, соединяющая воды Волги и Дона конножелѣзная дорога, положенная между Дубовскимъ посадомъ и Качалинскою станицею донскихъ казаковъ, на пространствѣ 60-ти верстъ, едва-ли достаточно выполняетъ свое назначеніе, такъ какъ она начинается не у самаго берега Волги, а на горѣ, въ 600 саженьяхъ отъ берега этой рѣки, и оканчивается также не у самыхъ водъ рѣки Дона, а тоже за 600 саженьей отъ нихъ—что часто заставляеть товарохозяевъ предпочитать отправку своихъ кладей прямо съ берега Волги до берега Дона, не по желѣзной дорогѣ, а на возахъ фурщикова, дабы избѣжать большаго неудобства отъ двойной перегрузки кладей: съ берега Волги—въ вагоны конножелѣзной дороги, а потомъ—съ этихъ вагоновъ до берега Дона.

III.

Выѣздъ изъ Царицына.—Переправа черезъ Довь.—Пятизбянская, Нижнечирская и прочія станицы, при-донскія.—Ихъ историческое значеніе.—Грушевскія каменноугольныя шахты.

Пятизбянская станица—одно изъ древнѣйшихъ селеній донскихъ казаковъ и замѣчательна какъ родина знаменитыхъ сыновъ Дона Денисовыхъ (Дениса-Батыря, родоначальника этой фамиліи, и двухъ храбрыхъ генераловъ—графа Ѳедора Петровича Денисова и войсковаго атамана Андріана Карповича Денисова ¹⁾).

Вечеромъ пріѣхалъ я въ станицу Нижнечирскую. Эта станица, какъ и Устьмедвѣдичкая, есть уѣздный городъ донской земли. Въ ней заключаются окружныя присутственныя мѣста втораго донскаго округа и квартира окружнаго генерала. Жителей, здѣсь и въ подвѣдомственныхъ станицѣ хуторахъ, до 18-ти тысячъ обоюго пола. Въ Нижнечирской станицѣ также находится уѣздное училище и окружной лазаретъ. Улицы ея правильны и просторны; замѣтно въ ней и торговое движеніе, которому способствуетъ Довь, омывающій Нижнечирскую станицу и дающій ей особенную красоту. Здѣсь, въ первый разъ, увидѣлъ я виноградный садъ; онъ принадлежитъ генералу Лонгину Карповичу Денисову, но какъ хозяинъ давно уже умеръ, то ни садъ, ни обширный домъ его никѣмъ не поддерживаются и все вмѣстѣ составляетъ жалкую развалину.

Отъ Нижнечирской станицы проскакалъ я почтовымъ трактомъ 150 верстъ и, кромѣ промчавшагося иногда лихаго всадника, множества стоговъ сѣна, стадъ рогатаго скота и овецъ, да кое-гдѣ разбросанныхъ косяковъ лошадей, да казачьихъ хуторовъ и убогихъ станціонныхъ домиковъ, не встрѣчалъ на этомъ пути ничего. Всѣ при-донскія станицы—Кабылянская, Есауловская, Потемкинская, Верхнекурмоярская, Нагавская, Нижнекурмоярская, Гугнинская, Терновская, Филиповская, Цымлянская, Кумшацкая, Романовская, Верхнекаргалъская, Камышовская, Маринская—остались влѣво отъ меня, на пространствѣ отъ 2-хъ до 40 верстъ отъ почтоваго тракта; а между тѣмъ нѣкоторыя изъ этихъ станицъ велики по народонаселе-

¹⁾ Обширныя и важныя для исторіи Записки Андріана Карповича Денисова и портретъ его, то и другое весьма обязательно сообщенныя Ад. П. Чеботаревымъ, помѣщены въ «Русской Старинѣ», изд. 1874 г., томъ X, стр. 1; т. XI, стр. 379; 601. изд. 1875 г., томъ XII, стр. 27, 237 и 457. Ред.

нію ихъ и извѣстны или по кровавымъ битвамъ, происходившимъ нѣкогда между казаками и вторгавшимися въ ихъ жилища татарами, калмыками и черкесами, или по другимъ историческимъ событіямъ. Такъ, на примѣръ, Потемкинская станица называлась прежде Зимовейскою, но какъ въ ней родился извѣстный самозванецъ Пугачевъ, то донцы, желая смыть всякое воспоминаніе объ этомъ злодѣѣ, сожгли домъ его и самую станицу перевели на другое мѣсто, давъ ей теперешнее названіе въ честь тогдашняго главнокомандующаго своего; Гугнинская—есть родина храбрыхъ донцовъ: партизана отечественной войны Ефремова и кавказскаго героя Бакланова; Цымлянская—замѣчательна своими виноградниками, о происхожденіи которыхъ существуетъ на Дону преданіе, что еще Петръ Великій, проѣзжая по Дону изъ Воронежа къ Азову, замѣтилъ способность донской почвы къ произращенію винограда, выписалъ изъ Франціи мастеровъ и виноградныя лозы, приказалъ насадить ихъ близъ Цымлянской станицы, и потомъ, послѣ посѣщенія парижскаго Дома Инвалидовъ, прислалъ ветеранамъ Людовика XIV нѣсколько бочекъ донскаго вина; Романовская—носитъ свое названіе въ честь Царствующаго Дома нашего и основана вскорѣ по избраніи на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова, когда донцы, схвативъ посланныхъ Зарудкимъ и Мариною «прелестниковъ», засѣкли ихъ, а новому царю, избраннику народному, поклялись служить вѣрно «безо всякой кривды»; Кумшацкая и Верхнекаргальская—подверглись въ началѣ прошлаго столѣтія, въ отсутствіе казаковъ на царскую службу, неожиданному набѣгу и раззоренію отъ кубанцевъ, причемъ обѣ эти станицы были сожжены «до гла», а женщины и дѣти «забраны въ полонъ».

Переночевавъ на станціи Мышковой, находящейся невдалекѣ отъ станицы Маринской, я, въ 10 часовъ утра, переправился черезъ рѣку Донецъ, а въ 3 часа по полудни пріѣхалъ на станцію Константиновскую, находящуюся въ 35-ти верстахъ отъ г. Новочеркаска, на большомъ московскомъ почтовомъ трактѣ. И на этомъ пути почтовая дорога уклонилась отъ при-донскихъ казачьихъ станицъ, оставивъ влѣво отъ себя Богоявленскую, Константиновскую, Бабскую, Золотовскую, Кочетовскую, Семикаракорскую, Раздорскую, Мелеховскую и Бесергеневскую; а между тѣмъ и тутъ есть замѣчательныя станицы, на примѣръ: въ Константиновской—окружныя присутственныя мѣста перваго донскаго округа; близъ Золотовской—открыты обильныя приски каменнаго угля; Кочетовская и Раздорская—имѣютъ великолѣпныя храмы Божіи, славятся своими виноградниками и вообще картиннымъ мѣстоположеніемъ; послѣдняя же еще болѣе замѣчательна

какъ одно изъ первыхъ, извѣстныхъ въ исторіи поселеній донцовъ, заключавшее въ себѣ всѣ начала казачества, съ первобытною волею его, знавшею одинъ только завѣтъ—«вражду невѣрнымъ басурманамъ», вражду непримиримую, неизмѣнную, какъ будто эта дружина храбрыхъ являлась сюда для единственной цѣли: мстить всѣмъ одноплеменникамъ татаръ за разгромы, нанесенные ими православному отечеству нашему. Нынѣшняя Раздорская станица поселена невдалекѣ отъ древнихъ «Раздоръ»: этотъ древній казачій городокъ былъ на островѣ, при сліяніи рр. Дона и Донца. Кстати замѣчу, что Кочетовская станица есть родина нѣсколькихъ донскихъ генераловъ Шамшевыхъ, а въ Раздорской—родился славный войсковой атаманъ Власовъ, и въ храмѣ этой станицы, на святыхъ иконахъ, блестятъ брилліанты, жалованные монархами этому воину.

Константиновская почтовая станція имѣетъ прекрасный станціонный домъ, построенный весьма удобно для отдохновенія проѣзжающихъ. Такіе же точно дома теперь на всѣхъ почтовыхъ станціяхъ войска донскаго по всему московскому тракту, на пространствѣ 400 верстъ.

Не далеко отъ Константиновской почтовой станціи, на рѣчкѣ Грушевкѣ, находятся копи каменнаго угля. Проѣзжая по почтовой дорогѣ, я видѣлъ ихъ издали. На этихъ копяхъ работаютъ теперь около 60 шахтъ и добываютъ угля болѣе 3-хъ милліоновъ пудъ въ годъ. Большая часть этой годовой добычи идетъ въ Ростовъ, а оттуда на берега Чернаго моря; въ самыхъ же предѣлахъ донской земли сбывается не болѣе 800 тысячъ пуд. Такимъ образомъ, эти пріиски уже и теперь вносятъ въ край ежегодно до 200,000 рубл. сер. стороннихъ денегъ владѣльцамъ шахтъ и рабочимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что грушевскія и другія по Дону залежи каменнаго угля примутъ не въ далекомъ будущемъ обширные размѣры, на правилахъ науки, и донской уголь замѣнитъ ужасную трату дровъ для паровыхъ заведеній нашего отечества—трату, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе угрожающую истребленіемъ нѣкогда дремучихъ лѣсовъ нашихъ.

IV.

Историческій взглядъ на возникновеніе Новочеркасска, какъ главнаго города донскихъ казаковъ.—Краткій обзоръ законоположеній о донскомъ войскѣ.—Нынѣшнее состояніе Новочеркасска и его достопримѣчательности.—Отъѣздъ изъ Новочеркасска.—Станица Аксайская.—Каменная дамба черезъ ежегодный 8-ми верстный разливъ Дона.—Послѣднія станицы донскихъ казаковъ на пути къ Кавказу.—Мысли при оставленіи донской территоріи.

Возвышенный мысъ, на которомъ поселенъ Новочеркасскъ, открылся моимъ взорамъ за 15 верстъ на пути отъ станціи Константиновской. Издали городъ этотъ представляетъ замѣчательно величественный видъ. Прежде, нежели въѣхать въ Новочеркасскъ, внесу сюда историческій взглядъ на его возникновеніе.

Въ первыя времена «вольнаго» казачества, донцы вели жизнь полудикую, кочевую: пищу ихъ составляли рыба и дичина; наслажденіе жизни состояло въ войнѣ и набѣгахъ на враговъ-сосѣдей. По правому берегу Дона, въ лѣсахъ и болотахъ, казаки скрывали свои городки, или, вѣрнѣе сказать, свои шалаши и землянки, обнесенныя плетнями изъ терновника и землянымъ валомъ. Они не заботились о красотѣ своихъ жилищъ, «дабы не игралъ на нихъ глазъ вражескій», и говорили: «пусть басурманы жгутъ городки наши—мы въ недѣлю выстроимъ новыя; скорѣе они устанутъ жечь, чѣмъ мы возобновлять».

Въ тѣ времена главный станъ донцовъ былъ въ Раздорахъ, а въ 1570 году они основали Черкасскъ—тоже на правомъ берегу Дона, но ближе къ Азову, на которомъ сосредоточивалась вся тогдашняя воинская дѣятельность, всѣ интересы воинственной жизни донцовъ. Черкасскъ сначала былъ такимъ же, какъ и другіе на Дону казачьи городки—изъ шалашей и мазанокъ, обнесенныхъ валомъ и палисадникомъ; но мѣстное положеніе ограждало его отъ вражескихъ набѣговъ лучше, чѣмъ валъ и палисадникъ, ибо Черкасскъ основанъ былъ на островѣ, образуемомъ Дономъ и его рукавами, а какъ островъ этотъ имѣлъ вообще низкое мѣсто, то весною, отъ разлива Дона, онъ дѣлался неприступнымъ. Такая мѣстность главнаго города обширнаго края была, однакожь, хороша только въ свое время, когда за валомъ Черкасска сновали враждебные народы; но когда отечество наше побѣднымъ штыкомъ своимъ нарѣзало другія, отдаленныя отъ береговъ Дона грани, и когда потребность защищать Черкасскъ отъ непріятельскихъ вторженій уже миновалась, то правительство обратило вниманіе на нездоровость мѣстоположенія Черкасска: въ немъ, по слитіи весеннихъ водъ, во все лѣто оставались болота, которыя, заражая воздухъ, превращали Черкасскъ въ больницу. Поэтому, ата-

манъ Платовъ испросилъ разрѣшеніе—перенести Черкасскъ на другое мѣсто. Перенесенный городъ получилъ названіе Новочеркаска, а прежній, историческій Черкасскъ, видѣвшій среди себя Петра I, прекратившій по его манію разгулы своей «вольницы», начавшій, по волѣ великаго преобразователя Россіи, и самъ вести жизнь мирную и водворять такую жизнь по всѣмъ городкамъ казачьимъ,—началъ уже носить скромное имя Старочеркасской станицы.

Городъ Новочеркасскъ съ двухъ сторонъ обливается рѣками Тузовомъ и Аксаемъ. Обѣ онѣ весьма небольшія и мелкія, но вода ихъ, однакожъ, употребляется жителями. Съ сѣверной стороны ведетъ въ городъ каменная дамба, необходимая весною при разливѣ Тузова. Дамба эта довольно возвышена отъ горизонта водъ и съ обѣихъ сторонъ своихъ усажена вербами. Переѣхавъ чрезъ Тузовъ по мосту, поднимаешься на гору и въѣзжаешь въ триумфальныя ворота, сооруженныя графомъ Платовымъ для встрѣчи императора Александра I, въ 1817 году. На воротахъ еще не вполне истреблена временемъ надпись:

Объемлены восторгомъ радости сердца
Текутъ во срѣтенье монарха и отца!
Днесъ Александръ ту-жъ милость намъ явилъ,
Которую Великій Пётръ благоволялъ.

Отъ триумфальныхъ воротъ снова подъемъ на гору, которая потому представляетъ обширную и ровную площадь. Первый предметъ въ самомъ началѣ этой площади—церковь св. Троицы, а влѣво отъ церкви войсковою арсеналь. Отъ этой площади идутъ двѣ большія улицы: Ермаковскій проспектъ и Московская. По послѣдней улицѣ поѣхалъ я и остановился въ хорошей гостинницѣ, на проспектѣ Платовскомъ.

Въѣзжая въ Новочеркасскъ въ субботу вечеромъ, я во всѣхъ церквяхъ города слышалъ колокольный звонъ и встрѣчалъ много народа, тянушагося ко «всенощной» службѣ. Вообще казаки отличаются особенною набожностью и усердно чтятъ праздники. И я успѣшилъ въ соборъ.

Еще графъ Платовъ задумалъ соорудить въ Новочеркасскѣ великолѣпный храмъ Вознесенія Господня, и началъ строить его; но, по тогдашней скудости въ войсковыхъ капиталахъ и по огромности потребныхъ на этотъ храмъ суммъ, работы остановились. Возведенныя до карнизовъ стѣны стояли болѣе двадцати лѣтъ безъ продолженія работъ, и потомъ, когда собралась достаточная сумма для окончанія храма, постройка снова началась; въ 1846 году храмъ близокъ уже былъ къ окончанію: онъ величественно возвышался, но

вдругъ рухнулъ и превратился въ страшную груду камня! Богу угодно было, чтобы ни одинъ изъ нѣсколькихъ сотъ рабочихъ не былъ погребенъ подъ развалинами; разрушеніе произошло въ праздникъ и вечеромъ, когда рабочіе люди собрались ужинать въ довольно отдаленномъ зданіи. Паденіе храма приписываютъ непрочности первоначальныхъ работъ, чрезъ что стѣны не выдержали легкой на нихъ въ послѣдствіи тяжести, а можетъ быть здѣсь участвовало и вліяніе непогодъ на стоявшія десятилѣтія безъ тщательной покрывки стѣны. Теперь очищенъ весь мусоръ развалинъ, вынуть даже фундаментъ и, 2-го ноября 1850 года, храмъ снова заложенъ самимъ Августѣйшимъ атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ, Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, во время посѣщенія имъ войска донскаго, на пути изъ Грузіи.

Временно, до возведенія этого соборнаго храма, сооруженъ въ 1849 году деревянный соборъ, и сюда-то пришелъ я ко всенощной. Церковь эта отличается чрезвычайнымъ благолѣпіемъ и самое зданіе ея весьма красиво. Стеченіе молящихся было многочисленное. Богослуженіе отправлялось каедральнымъ протоіереемъ, при весьма согласномъ пѣніи войсковыхъ пѣвчихъ.

Близъ самаго собора возвышается архіерейскій домъ. Здѣшняя архіерейская каедра открыта въ 1829 году, до того же времени земля донскихъ казаковъ подлежала епархіи воронежской. Съ открытія донской епархіи, теперешній архіепископъ ея, Іоаннъ, есть третій архіерей (прежніе два назывались Аванасій и Игнатій).

Площадь соборная—одна изъ лучшихъ площадей г. Новочеркасска; она вся окружена большими каменными домами, въ числѣ которыхъ и домъ войсковаго дворянскаго собранія. У этой площади сходятся два проспекта, носящіе имена знаменитыхъ донцовъ—Ермака и Платова,—послѣдняго и прахъ покоится тутъ же, противъ алтаря строящагося соборнаго храма. И на Платовскомъ проспектѣ есть много богатыхъ домовъ, между которыми прекрасное зданіе войсковыхъ присутственныхъ мѣстъ. Посреди города зеленѣетъ городской садъ, съ великолѣпною полуверстною аллею. Садъ этотъ явился недавно, на томъ мѣстѣ, гдѣ была огромная площадь-пустырь. По праздникамъ въ саду играетъ оркестръ войсковой музыки и по всѣмъ аллеямъ толпятся пестрыя группы гуляющихъ. Возникновеніемъ своимъ и отличнымъ устройствомъ садъ этотъ обязанъ атаману Хомутову и, кромѣ удовольствія, приноситъ большую пользу жителямъ Новочеркасска, освѣжая раскаленный нестерпимымъ лѣтнимъ зноемъ воздухъ.

Въ Новочеркасскѣ шесть церквей. Внутренность ихъ исполнена благолѣпія и богатства. Жителей въ городѣ до 20-ти тысячъ обоого

пола. Гостинный дворъ имѣетъ все, что нужно для самыхъ изысканныхъ требованій. Два рынка наполнены всѣми произведеніями обильной природы Дона. Улицы города вымощены камнемъ и имѣютъ каменные же тротуары. Вообще, на взглядъ, Новочеркасскъ—одинъ изъ числа хорошихъ губернскихъ городовъ.

Горя нетерпѣніемъ увидѣть скорѣе такъ называемыя здѣсь «войсковыя регалии», т. е. грамоты, знамена и прочіе знаки царскихъ похвалъ донцамъ за ихъ вѣрную службу и воинскіе подвиги, я, на другой же день по приѣздѣ въ Новочеркасскъ, отправился въ зданіе войсковыхъ присутственныхъ мѣстъ. Надобно сказать, что донскіе казаки вообще чрезвычайно гордятся этими клейнодами своими; проѣзжая по Дону, я всюду замѣчалъ, что этою благородною гордостью проникнуть и старъ и младъ, ибо, при всякомъ вопросѣ моемъ о мѣстныхъ рѣдкостяхъ, слышалъ одинъ отвѣтъ: «вотъ когда будете въ Новочеркасскѣ, то тамъ есть чтѣ посмотрѣть; тамъ всѣ богатства наши: тамъ-то увидите, какъ наши батюшки-цари были довольны службою своихъ донскихъ казаковъ!» А одинъ изъ героевъ венгерской войны, сѣдобородный урядникъ, георгиевскій кавалеръ, показалъ мнѣ даже хранящіяся у него за образами стихи, написанныя какимъ-то новочеркасскимъ поэтомъ, въ концѣ 1849 года, по случаю полученія войскомъ донскимъ высочайшей грамоты и георгиевскаго знамени за подвиги донцовъ въ венгерскую войну. Стихи эти, по словамъ урядника-ветерана, положены были на музыку дирижеромъ войсковыхъ музыкантовъ, Шейеромъ, и пѣлись войсковыми пѣвчими. Я списалъ ихъ и помѣщаю здѣсь нѣсколько строфъ:

Дѣла ихъ слава оглашаетъ,
Побѣднмъ лавръ вѣнчаетъ ихъ;
Привѣтъ, почетъ ихъ ожидаетъ
На родинѣ, въ кругу своихъ...

* *
*

И въ тѣхъ рядахъ, въ рядахъ героевъ,
Идутъ безстрашные донцы,
Являвшіесь среди жаркихъ боевъ
Бакими были ихъ отцы.

* *
*

Донцы идутъ, и Донъ лируетъ,
Съ восторгомъ ждетъ своихъ сыновъ,
Отъ царской милости ликуетъ
И за царя въ огонь готовъ.

* *
*

Казакъ, казачка, старъ и младъ,
Предѣловъ радости не знаютъ
И, снесши въ кругъ регалій рядъ,
На знамя «новое» взираютъ.....

Пришедши въ зданіе присутственныхъ мѣстъ, я объяснилъ первому встрѣтившемуся чиновнику о моемъ желаніи видѣть регалии,—онъ видимо одушевился, охотно вызвался испросить на это дозволеніе и, получивъ его, самъ ввелъ меня въ главную залу. Я, въ полномъ словѣ, былъ пораженъ величественною перспективою залы: на первомъ планѣ ея—большой присутственный столъ, съ зеркаломъ, и предъ нимъ портретъ государя императора. Здѣсь происходятъ засѣданія войсковаго правленія, подъ предѣдательствомъ войсковаго наказнаго атамана. Во глубинѣ этой же залы—арка и въ этой аркѣ великолѣпный портретъ атамана всѣхъ казачьихъ войскъ, Государя Наслѣдника Цесаревича, окруженный множествомъ жалованныхъ войску донскому знаменъ. Августѣйшій вождь изображенъ на портретѣ верхомъ на лошади, въ полномъ парадномъ казачьемъ мундирѣ, съ гетманскимъ перначомъ въ рукѣ, несущимся предъ рядами войскъ и какъ бы указывающимъ имъ путь къ новымъ доблестямъ. Портретъ этотъ, исполненный прекрасною кистью Крюгера, истинно изященъ, а обстановка его священными клейнодами придаетъ ему какую-то особенную торжественность.

Съ благоговѣніемъ всматривался я въ богатія грамоты и знамена російскихъ монарховъ, которыми они увѣковѣчивали изъ рода въ родъ свое царское спасибо за подвиги бранные, за вѣрную службу донцовъ. Храбро участвуя во всѣхъ войнахъ нашихъ съ врагами, за всѣ войны и удостоивались они царской признательности; но императоръ Николай Павловичъ осыпалъ войско донское своими милостями: онъ прислалъ въ даръ донцамъ саблю императора Александра I; онъ благоволилъ назначить вождемъ донскаго и всѣхъ другихъ казачьихъ войскъ своего первенца—надежду и радость Россіи; онъ даровалъ войску донскому «войсковое положеніе»; онъ пожаловалъ имъ знамена и похвальныя грамоты свои за турецкую войну и за недавніе еще подвиги противу венгровъ...

Всѣ царскія грамоты хранятся въ богатомъ серебряномъ ковчегѣ, украшенномъ драгоценными камнями, а сабля императора Александра I положена въ нарочито устроенный для нея, тоже серебряный, ковчегъ художнической отдѣлки.

Первая похвальная грамота донскимъ казакамъ за службу ихъ дана царемъ Іоанномъ Грознымъ, въ 1570 году; а потомъ три—царемъ Θεодоромъ Іоанновичемъ; затѣмъ нѣсколько грамотъ и одно знамя—отъ царя Михаила Θεодоровича; два знамени отъ царя Алексія Михайловича; одно знамя—царя Θεодора Алексѣевича; императоръ Петръ Великій пожаловалъ войску донскому войсковую печать, насѣку, перначъ, бунчукъ, два знамени всему войску, тридцать шесть

знаменъ станичныхъ и четыре походныхъ бунчука; императрица Анна Иоанновна пожаловала два знамени; императрица Елисавета Петровна тоже два знамени; императрица Екатерина Великая—четыре знамени; императоръ Павелъ I—одно знамя; императоръ Александръ I—два знамени всему войску и одиннадцать георгиевскихъ знаменъ и штандартовъ полковыхъ; императоръ Николай I—два знамени всему войску и пятнадцать знаменъ полковыхъ.

Въ зданіи присутственныхъ мѣстъ помѣщаются всѣ правительственные учрежденія войска донскаго: войсковое правленіе, войсковое и окружное дежурства, уголовный и гражданскій суды, приказъ общественнаго призрѣнія, коммисія народнаго продовольствія, контроль, врачебная управа, войсковое и окружное казначейства, судное и сыскное начальства, войсковой архивъ, типографія, и проч.

Въ войсковомъ дежурствѣ портретъ императора осѣненъ полковыми знаменами и у подножія его хранятся жалованныя донской артиллеріи, за подвиги ея въ турецкую войну, серебряныя трубы. Здѣсь также находятся портреты всѣхъ донскихъ войсковыхъ атамановъ, начиная отъ Данилы Ефремовича Ефремова — перваго атамана не по выбору народному, а по высочайшему назначенію, въ 1738 году, изъ старшинъ казачьихъ, съ возведеніемъ его въ чинъ генераль-маіора и съ производствомъ потомъ въ тайные совѣтники. Этотъ Ефремовъ и преемникъ его власти, родной сынъ, Степанъ Даниловичъ Ефремовъ, а также атаманъ Алексѣй Ивановичъ Иловайскій, изображены въ парчевыхъ кафтанахъ, съ широкими золотыми поясами, съ медалями на андреевской лентѣ и съ атаманскою булавою въ рукѣ. Слѣдующіе за ними атаманы уже въ генеральскихъ мундирахъ и съ многими знаками монаршихъ отличій.

Войсковая гимназія образована по образцу губернскихъ гимназій, но въ курсъ ея введены военныя науки, фехтованіе, гражданское дѣлопроизводство и, сверхъ того, при войсковой гимназій открыто отдѣленіе восточныхъ языковъ, въ которомъ приготавливаются необходимые для служащихъ на Кавказѣ донскихъ полковъ переводчики азиатскихъ языковъ. Есть въ Новочеркасскѣ госпиталь на 100 кроватей; есть богоугодныя заведенія, тюремный замокъ, сиропитательное заведеніе, дѣтскій пріютъ и войсковая аптека—очень богатая медицинскими медикаментами.

Всѣ караулы въ городѣ занимаетъ находящійся здѣсь учебный Донской казачій полкъ, который учрежденъ въ 1838 году и всякій годъ выпускаетъ болѣе 10-ти офицеровъ и по 700 человекъ нижнихъ чиновъ, служащихъ образцомъ для всѣхъ донскихъ полковъ.

Рабочій полкъ состоитъ изъ 1,000 человекъ казаковъ, собственно

для работъ по устройству города и для различныхъ войсковыхъ потребностей.

Пробывши въ Новочеркасскѣ нѣсколько дней, я позаботился осмотрѣть въ немъ все примѣчательное и постарался познакомиться съ личностями, отъ которыхъ могъ получить болѣе точныя и подробныя историческія и статистическія свѣдѣнія о донскомъ краѣ. Записываю эти свѣдѣнія изъ словъ очень умнаго и образованнаго донца, занимающаго одно изъ видныхъ мѣстъ въ войсковой администраціи войска донскаго.

«Преобразовывая бурную, наѣздническую жизнь казаковъ въ мирный бытъ поселянъ, правительство, для предоставленія имъ времени заниматься земледѣіемъ и скотоводствомъ, установило, чтобы двѣ трети годнаго носить оружіе населенія донцовъ находились постоянно въ домахъ, а на службу выходила только третья часть; но, въ военное время, все казачье населеніе обязано, по первому призыву, являться на защиту отечества. Исполняя двойкій бытъ война и селянина, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, донской казакъ, по окончаніи этого срока, не наряжается уже въ походы за предѣлы донской земли, но въ теченіе еще пяти лѣтъ отправляетъ служебныя обязанности внутри своего края и затѣмъ увольняется въ отставку, обязываясь, однакожь, и послѣ того явиться на службу, если бы правительство встрѣтило надобность призвать все населеніе къ оружію—что и было на Дону въ тяжелый для отечества 1812 годъ.

«Изданное въ 1835 году «положеніе для войска донскаго» сообразовано съ народными обычаями, нравами и преданіями; а въ военномъ министерствѣ находится особый представитель изъ донскихъ уроженцевъ, для изясненія дѣйствительныхъ мѣстныхъ нуждъ и потребностей ¹⁾. Вообще всѣ казачьи войска удостоены, въ 1827 году, особымъ знакомъ монаршаго благоволенія къ нимъ—назначеніемъ въ званіе атамана Государя Наслѣдника Цесаревича; мѣстное же управленіе въ каждомъ казачьемъ войскѣ ввѣрено войсковому наказному атаману.

«Нынѣшнее народонаселеніе донской земли составляютъ два словія—«казачье» и «крестьянъ» донскихъ помѣщиковъ. Первое состоитъ изъ 609 тысячъ человекъ обоого пола, второе изъ 305 тысячъ человекъ тоже обоого пола.

«Казакѣ» отъ 17-ти до 20-ти лѣтнаго возраста несутъ станичныя повинности, называемыя «сидѣнками»; послѣ этихъ повинностей

¹⁾ Въ военномъ министерствѣ находятся подобные же представители отъ всѣхъ казачьихъ войскъ, такъ какъ все управленіе этими войсками—военное и гражданское—сосредоточено собственно въ военномъ министерствѣ.

обязаны срочною службою въ донскихъ полкахъ, командируемыхъ по указаніямъ правительства. Вступая на срочную службу, въ полкъ, казакъ долженъ имѣть строевую лошадь, оружіе, мундирныя и аммуничныя вещи на свой счетъ. По выходѣ за границу донской земли, ему, кромѣ провіанта и фуража, отпускается изъ государственной казны жалованье и ремонтныя деньги на возобновленіе обмундирования и на покупку лошади, въ случаѣ потери ея во время службы.

«Крестьяне» несутъ общія повинности помѣщичьихъ крестьянъ всей имперіи, подвергаясь и рекрутскому набору въ регулярныя войска. Изъ владѣемыхъ войскою донскимъ земель (14 милл. дес.) надѣлены: «пожизненными» участками—генералы по 1,600 дес., штабъ-офицеры по 400 дес., оберъ-офицеры по 200 дес., урядники и рядовые казаки по 30 дес. на каждого; «потомственными»—помѣщики донскіе на каждую душу крестьянъ ихъ по 15-ти десятинъ.

«Положеніе 1835 года» учредило для донцовъ двойное управленіе—военное и гражданское. Въ военномъ—войско донское дѣлится на четыре округа, подѣленіемъ войсковаго дежурства; въ гражданскомъ—оно дѣлится на семь округовъ (уѣздовъ), подвѣдомственныхъ войсковому правленію. Войсковое дежурство завѣдываетъ собственно военнымъ составомъ войска и распорядками по этому составу; а войсковое правленіе объемлетъ весь домашній бытъ казака въ экономическомъ, нравственномъ и образовательномъ отношеніяхъ. Военное и гражданское управленія донскимъ краемъ состоятъ подѣ главнымъ начальствомъ войсковаго наказнаго атамана, облеченнаго властью: по военной части—командира отдѣльнаго корпуса, а по гражданской—генералъ-губернатора.

«Донскому войску предоставленъ собственный выборъ лицъ во всѣ войсковыя должности, какъ по военной, такъ и по гражданской части; кромѣ офицеровъ, избираемыхъ донскимъ дворянствомъ въ различныя дворянскія должности, и рядовые казаки выбираютъ сами своихъ станичныхъ атамановъ, судей и прочихъ должностныхъ станичныхъ лицъ, для суда и расправы, а также и для повѣрки станичныхъ общественныхъ суммъ.

«Въ донскомъ войскѣ, по штату, положено имѣть: 1-гв. казачій и атаманскій Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полки; 64 полевыхъ (армейскихъ) полковъ; 1 учебный и 1 рабочій полки; 1 гвардейскую и 13 полевыхъ (армейскихъ) конно-артиллерійскихъ батарей. Но въ военное время нарядъ съ Дона полевыхъ полковъ не ограничивается штатнымъ числомъ ихъ, а дѣлается, по мѣрѣ надобности, сколько позволяетъ современная численность казачьяго населенія, способнаго носить оружіе.

«Въ донскомъ войскѣ есть и до 20-ти тысячъ обоего пола калмыковъ (буддійскаго исповѣданія). Калмыки эти зачислены въ составъ донскихъ казаковъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія и отправляютъ нынѣ службу въ рядахъ донскихъ полковъ, а кочуютъ за р. Дономъ, на Манычскихъ степяхъ, и ведутъ значительное скотоводство. Среди ихъ показываются уже нѣкоторыя начала жизни осѣдлой, возникаетъ хлѣбопашество, появилось нѣсколько жилыхъ избъ, и находящееся въ мѣстѣ пребыванія калмыцкаго правленія казачье училище имѣетъ уже за учебными столами своими и дѣтей калмыцкихъ, слушающихъ уроки свои и на калмыцкомъ и на русскомъ языкахъ.

«Главные виды хозяйства и промышленности донскихъ казаковъ заключаются: въ хлѣбопашествѣ, рыболовствѣ, скотоводствѣ, винодѣліи, добываніи въ Манычскихъ озерахъ соли и въ разработкѣ каменнаго угля. Ежегодная продажа за предѣлы донской территоріи простирается: хлѣба на 900 тысячъ; рыбы на 200 тысячъ; лошадей, рогатаго скота и овецъ на 4 милліона; сала, кожъ и овечьей шерсти на 400 тыс.; вина на 700 тыс.; соли на 100 тыс. и каменнаго угля на 200 тысячъ руб. сер.

«Для занятій торговлею дозволено имѣть въ войскѣ донскомъ «общество торговыхъ казаковъ», члены котораго (500 чел.) вносятъ въ войсковой военный капиталъ, ежегодно, извѣстную плату за освобожденіе ихъ отъ служебныхъ обязанностей. Провѣтаніе торговли въ донскомъ краѣ доказывается тѣмъ, что желающихъ записаться въ члены торговаго общества значительно болѣе положеннаго по штату числа ихъ, вслѣдствіе чего, говорятъ, донское начальство предполагаетъ ходатайствовать у правительства о разрѣшеніи увеличить число членовъ торговаго донскаго общества до тысячи человекъ.

«Войсковые капиталы войска донскаго, составляющіеся изъ различныхъ оброчныхъ статей края, представляютъ нынѣ, въ общемъ итогѣ, до 6-ти милліоновъ руб. сер., что составляетъ для этого края необходимый фондъ, ибо всѣ его потребности и нужды должны удовлетворяться изъ мѣстныхъ войсковыхъ, а не общихъ государственныхъ капиталовъ. Потребности же края велики: не говоря уже о томъ, что еслибы случились неурожай или другія несчастія, донское войско обязано все таки выставить на службу указанное правительствомъ число полковъ, вполнѣ приготовленныхъ къ служебнымъ обязанностямъ, и если бы значительная часть людей этихъ полковъ не имѣла собственныхъ средствъ снарядиться въ походъ, то войсковое начальство должно прибѣгнуть къ снаряженію этихъ людей на войсковыя суммы; не говоря также и о другихъ военныхъ потребностяхъ края, нельзя не замѣтить, что въ этомъ краѣ нѣтъ еще хорошихъ

путей сообщенія, обуславливающихъ развитіе мѣстной торговли и промышленности; нѣтъ достаточнаго числа учебныхъ заведеній; нѣтъ въ станицахъ и хуторахъ хорошихъ огнегасительныхъ инструментовъ, и тому под., что необходимо всякому благоустроенному обществу».

Съ грустію выѣзжалъ я изъ Новочеркасска...

Черезъ два—три часа, спускаясь съ горы по улицамъ станицы Аксайской, я любовался роскошною картиной рѣки Дона, выходящимъ изъ водъ этой рѣки Старочеркасскомъ и разбросанными по обширной, луговой сторонѣ Дона станицами...

Аксайская станица одна изъ лучшихъ станицъ земли донскаго войска. Находясь при самомъ Донѣ, на пути сообщеній съ кавказскимъ краемъ и въ десяти только верстахъ отъ торговыхъ городовъ Нахичевани и Ростова, она кипитъ дѣятельностію. Отъ станицы Аксайской до станицы Ольгинской, на пространствѣ 8¹/₂ верстъ, оканчивается нынѣ постройкою каменная дамба, имѣющая цѣлью установить здѣсь съ кавказскимъ краемъ постоянное почтовое сообщеніе, которое, отъ разлива Дона, всякую весну бываетъ и медленно, и затруднительно, а въ бурную погоду и вовсе невозможное ¹⁾).

Въ Аксайской станицѣ я еще разъ переправился черезъ Донъ, и простился съ историческою рѣкою... Проскакавши ночью черезъ донскія станицы Ольгинскую, Кагальникскую, Мечетинскую и Егорлыкскую, я выѣхалъ изъ предѣловъ земли донскихъ казаковъ, проникнутый благоговѣніемъ къ ея прекраснымъ правамъ и къ ея славному былому—когда на безбрежныхъ донскихъ степяхъ одинъ за другимъ являлись народы древности и кровавыми битвами покупали владычество надъ этими пустынями; когда берега Дона оглашались кликами побѣдъ Святослава надъ Печенѣгами, орошались кровью половцевъ въ сѣчахъ Мономаха, Ярополка, Мстислава; когда на равнинахъ Дона свирѣпствовали орды Чингисхана, Батяя, Тамерлана... Все увлечено потокомъ времени—и грозныя царства, и дикіе народы ихъ, а на равнинахъ, на этихъ молчаливыхъ зрителяхъ кровавыхъ распрей народовъ, бороздить уже землю плугъ мирнаго обитателя и водворяется спокойствіе благоустроеннаго общества.

Сиб.

Ад. П. Ч—въ.

(О кончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Дамба эта, сооруженная на суммѣ донскаго войска (стоила болѣе 900 тысячъ руб. сер.), была десять лѣтъ весьма полезна для безостановочныхъ сообщеній съ Кавказомъ, до полнаго его покоренія; но, въ настоящее время, Аксайская дамба, сослуживъ государству службу, ограничиваетъ свою дѣятельность только для сообщеній мѣстнаго населенія, такъ какъ теперь существуетъ уже отъ Ростова до Владикавказа желѣзная дорога.

Ад. Ч.